
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРАВОМ В ПОСТПРИВАТИЗАЦИОННОЙ РОССИИ

Морозов Г.Б., Карветская А.А.

Анализируются имеющиеся в научной и публицистической литературе позиции относительно социально-экономических последствий случаев злоупотребления правом нынешними субъектами частноправовых отношений. На примере необходимости более полного распределения природных рент выявляется факт, что нынешнее присвоение недродопользователями полезных ископаемых государственных недр, которые становятся собственностью данных лиц, является правовым нон-сенсом. Это противоречит и основам теории государства и права, и несправедливо по своей сути. Не соглашаясь с имеющимися в литературе точками зрения о формах изъятия рент из сверхдоходов добывающих предприятий, авторы считают, что наиболее правомерным и справедливым способом получения природной ренты государством, как собственником недр, является договор подряда на добычу полезных ископаемых. Его применение эффективно разрешает проблемы определения и распределения данной ренты.

В российской Конституции и иных федеральных законах жестко закреплён юридический принцип «неприкосновенности собственности», посредством которого государство защищает этот важнейший социально-экономический институт всей силой объективного права в целях защиты личности и ее имущества от любых посягательств со стороны кого-либо, в том числе и государства как субъекта публичной власти. Так, ст. 2 Конституции РФ гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей целью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В ч. 3 ст. 17 заявлено: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

О конституционных санкциях к нарушителям этих норм – в ст. 52: «Права потерпевших *от преступлений и злоупотреблений властью* (курсив автора) охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». И в ст. 53: «Каждый имеет право на возмещение государством *вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц*».

Однако в этом контексте осталась «больной» для России проблема злоупотребления правом собственности множеством его субъектов, появившихся в стране в период, когда в процессе приватизационных преобразований произошли кардинальные изменения в порядке и способах осуществления данных отношений. Закрепленное в Конституции РФ в ряде ее норм регулирование отношений собственности носит фактически абсолютный характер: *субъекту данного права гарантированы исключительно его субъективные права* (правомочия) на осуществление им действий с принадлежащим ему имуществом по его усмотрению. *Юридические обязанности, связанные с причинением собственником и иным обладателем вещного права вреда субъектам*, не обладающим таким правом на данное имущество, *практически отсутствуют*.

О субъективных правах собственника. Ст. 35 Конституции РФ декларирует: «Право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами». В ст. 8 ч. 2 Конституции защита этого права гарантируется достаточно определенно: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». На данных аксиомах построен весь второй раздел ГК РФ, главы 21 УК РФ и 7 КоАП РФ. Зато *юридические обязанности* данного субъекта права в этих нормативных правовых актах (далее – НПА) урезаны до минимума.

По ст. 209 ГК РФ п. 2 собственник «...вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам, и *не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц* (курсив авторов)». Внешне в данном фрагменте эта обязанность собственника («не навреди!») сформулирована четко. Однако ст. 36 ч. 2 Конституции предписывает ограниченный предмет применения данного принципа: «Владение, пользование и распоряжение *землей и другими природными ресурсами* (курсив авторов) осуществляется их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц». К иным имущественным отношениям использование этого принципа не относится.

Налицо: норма ст. 209 ГК РФ расширительно толкует ст. 36 Конституции, нарушая конституционные права и свободы субъектов права собственности не на землю и природные ресурсы, а на иные объекты права собственности. Хотя цитируемое выше положение ч. 3 ст. 17 Конституции и декларирует общий принцип осуществления субъектами права своих правомочий, но по отношению к субъектам права собственности он противоречит принципу ст. 36 Конституции.

Поэтому, если дать оценку нынешнего социально-экономического состояния России, повсеместно можно наблюдать ненаказуемое торжество права частной собственности над правами и интересами государства, граждан и юридических лиц. Так, в результате приватизации имущественного достояния страны, бесплатно и часто неосновательно доставшегося малому числу избранных властью лиц и представителям криминала, новые собственники получили вместе с этим достоянием максимум субъективных прав, не сопровождаемых юридическими обязанностями. Получилось, что при реализации частным собственником своих законных прав он безнаказанно может нарушать законные права и интересы других лиц, государства и общества в целом: российская законодательная система часто не может прекратить эти действия, лишив возможности собственника владеть, пользоваться и распоряжаться инструментом такого нарушения.

Если провести аналогию с бытовыми ситуациями, то это состояние схоже с тем, что нельзя отнять спички у играющего ими ребенка, дееспособного балбеса или не признанного судом недееспособным сумасшедшего вблизи огнеопасных предметов. Фактически надо ждать, когда этими действиями собственник нанесет окружающим вред. А затем нужно будет долго устанавливать величину негативных последствий данных действий, вину причинителя вреда, чтобы вчинить ему в судебном порядке иск о возмещении соответствующих убытков. В других случаях, когда из-за действий собственника может возникнуть угроза нанесения вреда иным субъектам права, он защищен законом от вмешательства будущих своих жертв.

При этом для надлежащей защиты лиц от злоупотребления собственником его правом в российском законодательстве нет правовой дефиниции понятия «злоупотребление правом». Это затрудняет установление фактов таких злоупотреблений в судебных процедурах, так как при доказывании их наличия в уголовном или административном процессах все неясности НПА (см. ст. 14 п. 2 УПК РФ и ст. 1.5 КоАП РФ) толкуются в пользу обладателей презумпции невиновности. В гражданском процессе, где в силу возможности применения аналогий закона или права, путем сложных их поисков в отдельных случаях такие факты доказывать можно, но с большим трудом.

Единственное упоминание о данном понятии имеется в п. 1 ст. 10 ГК РФ: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерениями причинить вред другому лицу, а также *злоупотребление правом* в иных формах». Если содержание цитируемого положения изложить, основываясь на принципе обратной логической связи, то под *злоупотреблением правом можно понимать действия граждан и юридических лиц, осуществляемые намеренно (умышленно) или в других формах (либо по неосторожности, либо путем невиновного нанесения вреда) причиняющие вред другому лицу*. А при анализе содержания текста п. 3 данной статьи («*в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются*») в основание защиты гражданских прав можно заложить следующие принципы. Во-первых, *разумности действий* – осознания субъектом способа осуществления права и возможных его последствий. Во-вторых, *добросовестности участников* – их личный интерес и осознание возможности нарушения норм права и морали с целью его реализации путем нарушения законных прав и интересов других лиц.

Отсюда, по нашему мнению, любое злоупотребление правом может осуществляться в следующих шести формах:

1) *с прямым умыслом* правообладателя формально нарушить норму права, а в виде последствий данного нарушения – нарушить законные права и интересы других субъектов. Большинство таких нарушений описано в диспозициях Особенных частей УК и КоАП РФ. А такие злоупотребления со стороны государства обеспечены средствами их принудительного прекращения и наложения соответствующих юридических санкций;

2) *с косвенным умыслом* правообладателя формально нарушить норму права, а в виде последствий данного нарушения – нежелание, но сознательное допущение нарушения законных прав и интересов других субъектов либо безразличное отношение к наступлению таких последствий;

3) *по легкомыслию* правообладателя, предвидевшего возможность нарушения своими действиями законных прав и интересов других лиц, но без достаточных оснований самонадеянно считающего, что нарушений можно избежать;

4) *по небрежности* правообладателя, не предвидевшего возможности нарушений его действиями законных прав и интересов других лиц, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности (его компетентности) он должен был и мог предвидеть возможности таких нарушений;

5) *вследствие невиновного нарушения* правообладателем законных прав и интересов других лиц из-за разных форс-мажорных обстоятельств;

6) когда *лицо злоупотребляет своим правом в ущерб лично себе* (злоупотребляет алкоголем, наркотиками т.п. токсинами; бесхозяйственно относится к своему имущест-

ву, растрчивая, портя, уничтожая его или за бесценок сбывая другим лицам). Здесь правообладатель негативным последствиям подвергает себя, но от таких злоупотреблений страдают прямо или косвенно и его близкие.

Конечно, многие случаи злоупотреблений отражены в диспозициях и санкциях соответствующих НПА. Однако описание злоупотреблений лицом правом собственности в диспозициях и санкциях НПА отраслей публичного и частного права предельно минимально.

Таких описаний нет в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности»: в ней, наоборот, защищаются права собственника. Правда, в ст. 195-197 УК РФ (гл. 22) указывался в предпоследней редакции собственник коммерческой организации в качестве субъекта преступлений при его неправомерных действиях при банкротстве, что являлось весомым правовым нонсенсом на протяжении почти 10 лет действия УК РФ. Наконец, он устранен, но возник новый субъект – учредитель (участник) юридического лица. (А если он не учредитель и не участник ООО, а акционер акционерного общества - ему дозволено все!?).

По сути дела, правовое положение юридического лица в российском гражданском законодательстве является юридической фикцией: само юридическое лицо управляется физическими дееспособными лицами (учредителями или их исполнительными органами), которые по результатам его деятельности имеют имущественные поступления. Но когда возникает необходимость несения управляемым ими юридическим лицом имущественной ответственности, ее по нормам ГК РФ несет само это виртуальное юридическое лицо. А оно психикой и интеллектом не обладает, и имущества, достаточного для погашения причиненных иным лицам убытков, у него уже может не быть: его вовремя с баланса организации распределили между собой учредители.

По некоторым данным, с 1991 по 2003 гг. в стране было зарегистрировано более 4,5 млн. юридических лиц – коммерческих организаций. На 01.01.2004 г. обязательную перерегистрацию прошло чуть меньше половины данных лиц. Остальные, как правило, с большими кредиторскими задолженностями «успешно» прекратили свою деятельность, и за это никто не понес никакой ответственности. В Екатеринбурге эта картина была такова: было зарегистрировано около 50 тыс. организаций, перерегистрировалось лишь около 6 тыс.

Также случаи злоупотреблений правом в форме косвенного умысла можно было бы отнести к субъектам преступлений, описанных в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» и гл. 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». Большинство данных нарушений происходит на предприятиях – имущественных комплексах, используемых для ведения предпринимательства. Однако санкции здесь применяются к должностным лицам организаций, обязанным обеспечивать правила безопасного ведения работ. Собственник здесь – само юридическое лицо, уголовно не наказуемое.

Аналогично нет санкций к собственнику и в КоАП РФ, кроме случаев, когда ответственность за административные нарушения несет юридическое лицо. Также их нет в Трудовом и Налоговом кодексах. Поэтому нарушение законных прав и интересов субъектов права путем злоупотребления правом собственности эффективно можно разрешать в рамках гражданского права: в гл. 15 ГК РФ среди способов прекращения права собственности описан ряд оснований принудительного прекращения данного права в двух формах.

1. **Прекращение права с компенсацией собственнику возмещения изъятого у него имущества.** Эти основания описаны в статьях: 1) 240 «Выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей»; 2) 241 «Выкуп домашних животных при ненадле-

жащем обращении с ними»; 3) 285 «Изъятие земельного участка, используемого с нарушением законодательства»; 4) 293 «Прекращение права собственности на бесхозно содержимое жилое помещение». Во всех случаях вред собственником причиняется исключительно конкретным объектам права. В ст. 242 «Реквизиция», 235 и 306 «Национализация» в соответствии с ч. 3 ст. 35 Конституции установлен принцип: «Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». При этом реквизиция и национализация должны осуществляться только на основании федеральных законов, которых почему-то в российской правовой природе пока нет.

2. По ст. 243 «Конфискация» – *безвозмездное изъятие и обращение имущества собственника по решению суда* в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения. Но законодатель почему-то исключил из УК РФ норму о конфискации имущества, заменив эту санкцию штрафом в размере от 500 тыс. до 1 млн. рублей. Нажившие преступным путем свои миллиарды лица могут спокойно отбывать свои сроки, зная, что их имущественные достояния остаются с ними бесконечно.

Мы не приводим примеры, как российские собственники имущества, злоупотребляя своими правами, ухудшают обстановку в стране, и это преодолеть без кардинальных изменений в осуществлении наиболее важных общественных отношений нельзя. Этих примеров много. Вопрос: как решить эту проблему правовым путем, чтобы злоупотребление собственниками своими правами стало им невыгодно экономически и юридически?

На наш взгляд, этого можно достигнуть с помощью опыта большинства стран мира, где эта проблема определенно решена. Для России данная проблема может быть решена двумя способами. Во-первых, путем гармонизации норм российского гражданского права с аналогичными нормами права в правовых системах большинства стран мира; во-вторых, путем защиты интересов субъектов гражданского и публичного права на территории России, когда российский и иностранный капитал в силу либерализации российской экономической политики станут доминировать в стратегических отраслях российской экономики.

Представим гипотетическую ситуацию: крупнейшие нефтяные, нефтеперерабатывающие, оружейные или венчурные российские компании продали контрольные пакеты своих акций компаниям США, Европы и иных стран, входящих в НАТО, иные военно-политические блоки. Добываемая ими нефть по закону «О недрах», если иное не оговорено с компаниями, принадлежит России. Средства ее добычи – компаниям. Переработанная нефть – также им. Произведенное вооружение – соответствующей компании, как и созданные передовые идеи венчурных фирм. И вдруг – возник военно-политический конфликт с данными странами. Добывающие компании прекращают добычу нефти. Останавливается нефтепереработка. Топлива для российских самолетов, танков и ракет для участия в ликвидации конфликта нет. Прекращается производство оружия. Военно-стратегические идеи России становятся достоянием потенциального противника. Страна без военных действий становится побежденной, ибо право частной собственности неприкосновенно и свято, а государство конституционных и иных законных прав защитить свои интересы не имеет.

Как разрешить проблему злоупотребления данным правом в России?

1. Конституционно. Отказаться от прокламаций о том, что Конституция РФ – «священная корова» и «беспокоить» ее во имя современной эфемерной «стабильности отношений» нельзя. Наряду с иными изменениями и дополнениями нужно внести в нее

дополнения о юридических обязанностях собственника. Пример такой нормы можно заимствовать в ч. 2 ст. 14 Основного закона Федеративной Республики Германии: «*Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу* (курсив авторов)». Такие записи есть и в конституциях других государств.

А если использование собственности не служит общему благу? Тогда государству нужно в установленном законом порядке лишать собственников их имущества в случаях неисполнения этой обязанности по всем, а не по отдельным основаниям в ГК РФ, упомянутым выше. Пример – ч. 3 ст. 14 Основного закона Германии: «*Принудительное отчуждение собственности* допускается только для общего блага. Оно может производиться только законом или на основании закона, регулирующего вид и размеры возмещения. Возмещение должно определяться со справедливым учетом общих интересов и интересов сторон. В случае споров о размерах возмещения оно может устанавливаться в общем судебном порядке».

И, наконец, внешне это – один из Апрельских тезисов В.И. Ленина: «Земля, природные богатства и средства производства могут быть в целях обобществления переданы в общественную собственность или другие формы общественного хозяйства, законом, регулирующим вид или размеры возмещения». На деле – цитата ст. 15 указанного Основного закона Германии.

А когда будут внесены такого рода поправки в Конституцию РФ, тогда можно и принять законы «О реквизиции», «Национализация» и им подобные. Каждому собственнику станет ясно, что право собственности помимо плодов, продукции и доходов от ее эксплуатации – не только благо, но еще и серьезная ответственность перед страной и обществом.

2. Изменение норм ГК, УК и КОАП РФ.

2.1. Внести в п. 3 ст. 56 ГК РФ «Ответственность юридического лица» следующее положение: «Учредитель (участник) юридического лица несет субсидиарную имущественную ответственность, а если это учредители (участники) – солидарную ответственность по результатам деятельности учрежденного ими юридического лица, если будет установлено в судебном порядке, что убытки, причиненные данным юридическим лицом иным лицам, явились результатом злоупотребления правом данных учредителей и назначенного (избранного) ими исполнительного органа юридического лица».

2.2. Внести в главу 22 УК РФ новую статью об уголовной ответственности учредителей (участников) юридических лиц, умышленные или неосторожные действия (бездействие) которых нанесли ущерб контрагентам по гражданско-правовым и иным обязательствам данного юридического лица.

Аналогичная норма могла бы быть внесена и в главы 7 и 14 КоАП РФ.

Во второй части статьи рассмотрим один из значимых примеров того, как достаточно открыто, на вполне законных основаниях осуществляют злоупотребление правом, но уже *несобственники определенного имущества*, по его получению в собственность не предусмотренными гражданским законодательством способами. В результате чего собственник (государство) несет огромные и невозполнимые потери от злоупотребления не принадлежащим лицу правом, а последнее законно получает неосновательное обогащение. Речь пойдет о присвоении природной ренты российским природопользователями.

Проблемы изъятия и распределения природной ренты в последние годы широко обсуждаются в научных и политических кругах России. Основными причинами популярности темы является резкая дифференциация уровня жизни населения. Отсюда его

заинтересованность в улучшении данного уровня, в том числе за счет механизма справедливого перераспределения сверхдоходов в добывающем секторе экономики. Желание политиков чаще всего связано со стремлением привлечения значительной части электората к обеспечению избрания в разные уровни власти конкретных политических партий. Имеется и острая необходимость сглаживания дисбаланса в работе и рентабельности предприятий добывающих и перерабатывающих отраслей: рентабельность первых в разы выше рентабельности вторых, что негативно отражается на экономике.

Общеизвестно, что Россия имеет крупнейшие запасы полезных ископаемых в мире: их прогнозный потенциал оценивается суммой свыше \$ 140,2 трлн. [5], а в ее хозяйстве преобладают ресурсоэксплуатирующие отрасли. Сырьевые продукты составляют весомую часть экспорта, доходная часть государственного бюджета формируется больше за счет добывающих производств. Причем, нынешняя социально-экономическая и политическая ситуация в стране настоятельно диктует ускоренный переход экономики от сырьевой специализации к развитию высокотехнологичных отраслей. Но по-прежнему источник финансовых средств реализации этого направления – деятельность сырьевых отраслей по добыче минеральных ресурсов, невозпроизводимых и невозполнимых.

Суть полемики: в добывающих отраслях образуется так называемая природная рента – доход, получаемый собственником ресурсов благодаря более удобному месторасположению участка, лучшему качеству добываемого сырья, выгодным условиям добычи и другим естественным свойствам. Обладание этими преимуществами приносит даровой доход – природную ренту.

По общепринятому определению, природная (природно-ресурсная) рента – часть прибыли, обусловленная использованием природного ресурса в процессе производства, возникающая из-за разницы в природно-климатических, горно-геологических и иных условиях деятельности субъектов хозяйствования. Она образуется при добыче любого полезного ископаемого – руды, угля, газа или нефти. В связи с благоприятной конъюнктурой мирового рынка сегодня рента в нефте- и газодобывающей промышленности образуется в особо крупных размерах, что привлекает к себе пристальное внимание инвесторов, экономистов, криминалитета и государственных чиновников. В нефтедобыче экономическая рента представляет собой разность стоимости произведенной продукции и затрат на ее добычу. В их состав входят издержки добычи нефти, расходы на геологоразведку, освоение месторождений, отраслевая норма прибыли. Остальную часть валового дохода составляет экономическая (ресурсная) рента или сверхприбыль.

Правительства нефтедобывающих стран стремятся присвоить как можно большую ее часть, используя различные налоги, сборы, роялти и бонусы. Доходы таких стран от добычи нефти равны разнице между валовой выручкой и совокупными затратами. При этом прибыль, получаемая добывающей компанией, для правительств является частью издержек на добычу. Аналогично квалифицируются затраты на разведку, освоение и эксплуатацию месторождений, так как добывающая компания возмещает эти затраты из валовых поступлений.

Однако такой добавочный доход можно получить не на всех месторождениях, а лишь там, где издержки освоения в каждый период не превышают некоторый предельный уровень рентабельности. Он складывается под влиянием соотношения спроса и предложения на углеводородное сырье и характеризуется уровнем мировых и внутренних цен на нефть. Нефтегазовые объекты, затраты на освоение которых выше уровня цен, инвестиционно не привлекательны.

Подчеркнем, что зависимость величины издержек на добычу от естественных условий освоения месторождений сохраняется при любых уровнях цен. Из-за их колебания меняются лишь величина добавочного дохода и число рентабельных для разработки месторождений. Рассматривая образование ренты на макроуровне (в мировом масштабе), отметим, что в России дифференциальная рента образуется и в результате большой разницы между внутренней и мировой ценами при экспорте сырья за рубеж. Эту ренту правильнее называть не природной, а экспортной [3].

Существуют две противоположные позиции – «за» и «против» более полного изъятия ренты из добывающих отраслей («более полное», так как известно, что часть ренты уже изымается посредством многочисленных налогов, в том числе и специфичных для добывающей промышленности).

Позиция первая: *доходы от реализации природных ресурсов в виде природной ренты принадлежат всему населению России.* Поэтому все граждане вправе получить причитающуюся им ренту в денежном эквиваленте. Главные сторонники идеи – покойный ныне Д. Львов и С. Глазьев – приверженцы изъятия и перераспределения рентных доходов, привели расчеты: по предварительным данным на 2007 г., рентный доход в нефтяном комплексе составит 27,6 \$ млрд. За предыдущие 4 года он составлял от 25 до 28 \$ млрд. ежегодно. По газовому комплексу – от 9,7 до 11 \$ млрд. в зависимости от конъюнктуры цен. Если к этим цифрам прибавить природную ренту, получаемую в металлургическом комплексе, гидроэнергетике, а также задействовать платежи за загрязнение окружающей среды, то мы выходим на сумму почти в 50 \$ млрд. в год [5, 9].

Если придерживаться мнения «за» изъятия природной ренты из добывающего сектора, возникает вопрос определения ее величины. Дело в том, что при ее расчете надо учесть как отраслевую специфику добывающих производств (лес, нефть, уголь, газ), так и иные дополнительные условия добычи (вода, воздух, рекреативные ресурсы, близость к транспортным развязкам, инфраструктура и т.п.). При этом нельзя делать добывающие предприятия банкротами – надо оставить достаточный для динамичного развития уровень инвестиций в эту сферу. Нужно учесть не только разницу рентабельности добывающей и перерабатывающей промышленности, но и разные природные условия, в которых работают добывающие предприятия, разное качество сырья, получаемого при добыче, разное воздействие на окружающую среду, колебания внутренних и мировых цен на ресурсы, и др. факторы. Сделать это, прямо скажем, еще никому не удалось с приемлемой точностью.

Позиция вторая – мнение «против» изъятия ренты из добывающей отрасли – *построена на расчетах финансовой стороны работы российских нефтяников.* Средняя мировая цена российской нефти держится на уровне \$175 за тонну (\$24 баррель), а эксплуатационные расходы – порядка \$50 за 1 т. Транспортные затраты – примерно \$25. Налог на добычу нефти составляет \$20, экспортная пошлина – еще \$15 за 1 т. Итого уже \$110 издержек [8].

Не надо забывать, что государство внимательно ведет налогообложение нефтяных компаний, не упуская возможности получить с них дополнительные налоги. Специалистам известно, что экспортные пошлины на нефть привязаны к мировым ценам на "черное золото". Выше цены – выше пошлины. То же относится и к прогрессивному налогу на добычу полезных ископаемых. Есть базовая ставка 340 руб., а реальный налог за 2006 г. составил почти 700 руб. Причем все это – законодательно утвержденные меры. Если к перечисленным налогам добавить налог на имущество, налог на прибыль

и т.д., получается, что чистая прибыль с тонны нефти составляет порядка \$30. А государство получает не менее \$75 с тонны. Получается, что \$ 75 – это расходы фирм, которые получает государство. И только \$25-30 получает нефтедобывающая компания. Из этой прибыли она должна что-то выделить на развитие, на погашение взятых кредитов. Поэтому ни о каком изъятии природной ренты говорить не стоит [8].

И защитники, и противники более полного изъятия природной ренты не отрицают ее наличия, спор ведется только о размере выплат и механизме их осуществления. Рассмотрим, как происходит процесс образования и распределения природной ренты на практике.

Согласно статье 1.2 Закона "О недрах", недра в границах территории России, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Добытые из недр полезные ископаемые и иные ресурсы по условиям лицензии могут находиться в федеральной государственной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной, частной и в иных формах собственности [4].

То есть, полезные ископаемые, представляющие ценность, находясь под землей, принадлежат государству. А добытые ископаемые могут быть и в государственной, и в частной собственности. Тогда вопрос: каков механизм перехода права собственности из государственной в частную, иными словами, приватизации ее объектов? Ведь предприятие, добывая природные ресурсы, уплачивает государству налоги и иные обязательные суммы за право пользования землей, лицензии, природоохранные платежи и пр. И при этом момент перехода права собственности на природные ресурсы определяется моментом добычи ресурса? То есть, добывающее предприятие, по сути, «покупает» за налоги и другие платежи ранее принадлежавший государству ресурс.

Но эти платежи по нормам главы 30 ГК РФ не являются сделками купли-продажи товара, каким являются полезные ископаемые. А здесь, рассчитавшись по обязательным (по сути, фискальным) платежам с государством, добывающее предприятие получает в собственность природные ресурсы, которые затем реализует по рыночным ценам уже как его собственные.

В соответствии со ст. 8 Налогового кодекса России под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, который взимается с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований. Это означает, что уплата налога не влечет для налогоплательщика права требовать от государства встречного предоставления (в том числе и права пользования природными ресурсами).

А согласно п. 2 статьи 218 ГК РФ право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договоров купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества. Собственник недр и, соответственно, полезных ископаемых – государство. Добывающее предприятие – субъект частной собственности. Никаких сделок между ними относительно добытых ресурсов не заключается. Налицо несоответствие реальной практики действующему законодательству, а именно: не предусмотренный нормами ГК РФ переход права собственности на специфический товар. По нормам статьи 168 ГК РФ, сделка, не соответствующая требованиям закона или иного правового акта, является

ничтожной. Получается, практически все российское недропользование юридически не правомерно, а передача в собственность недропользователей добытых полезных ископаемых является, по нормам главы 60 ГК РФ, их неосновательным обогащением.

Как можно решить эту противоречивую проблему, чтобы и государству, и недропользователям это было выгодно, и чтобы при этом не нарушались нормы законодательства и социально-экономические интересы различных групп российского населения? Имеется несколько точек зрения на решение проблемы об «инструментах» и методиках реализации рентных изъятий. Все предлагаемые решения можно условно разделить на 2 группы: 1) меры по оптимизации налогообложения (налоговые методы); 2) меры по созданию новых механизмов взаимодействия государства и добывающих предприятий (неналоговые методы).

К налоговым методам более полного изъятия ренты относят такие:

1. Исчисление налога на добычу полезных ископаемых с учетом годовой рентабельности разработки месторождений [8]. На взгляд авторов данного решения, основные исследования для создания гибкой налоговой системы в области рентных платежей должны быть связаны с годовым показателем рентабельности разработки месторождений.

2. Введение дополнительного налога в размере 2/3 сверхприбыли недропользователей [7].

Недостатки методов, по нашему мнению, в том, что российские предприниматели достигли небывалого мастерства в «накачивании» величины себестоимости своих работ до таких сумм, что полученная выручка от реализации продукции редко когда превышает указанные суммы. Не случайно большинство наших предприятий по этой причине по итогам кварталов убыточны, хотя многие из них ведут свою деятельность годами. Поэтому 2/3 нулевой сверхприбыли дадут в любом случае нулевую ренту.

Неналоговые методы.

1. Сдать недра в аренду недропользователю, а плату установить в процентах от доходов. Так сделано в Якутии – недра переданы в аренду компании «Алмазы России–Саха», арендная плата составляет 25% от доходов, а регион имеет право покупки алмазного сырья по ценам вдвое ниже мировых. Тем самым, 3/4 природной ренты от экспорта алмазов остается в регионе [9].

Однако в соответствии с правилами статьи 607 ГК РФ «Объект аренды», «... в аренду могут быть переданы ... вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи)». В нашем примере - это пространство недр, где находятся полезные ископаемые. А они - потребляемые вещи, которые в результате переработки становятся иными вещами, с другими физико-химическими признаками. Поэтому эти вещи арендодателю не возвращаются по окончании аренды, а в соответствии с правилами ст. 136 ГК РФ поступления, полученные в результате использования имущества, принадлежат лицу, использующему это имущество на законном основании, если иное не предусмотрено законом или договором. А здесь иного законом или договором, в принципе, не предусмотрено, кроме того, что Якутия может получить часть стоимости этих алмазов, а Россия нет.

2. Вариант более полного изъятия природной ренты для лесного комплекса: ввести долговые обязательства для лесопользователей с постепенной выплатой ренты [8].

3. Рациональным может стать выделение из цены добытых природных ресурсов суммы, необходимой и достаточной (минимально допустимой) для покрытия издержек добывающих компаний и обеспечивающей их рентабельность на привлекательном

уровне (экономически обоснованная стоимость добычи природных ресурсов). Тогда разница между ценой природных ресурсов на рынке и экономически обоснованной стоимостью их добычи («чистая» природная рента) может полностью направляться в бюджет. Поиск экономически обоснованной стоимости добычи будет более эффективен, если его осуществлять на основе конкурса, в результате проведения которого можно выявить минимально возможную цену добычи, при которой сохраняется уровень рентабельности, привлекательный для хозяйствующего субъекта. Причем, в проводимых конкурсах на право разработки месторождений надо предусматривать в качестве основного критерия оценки предложений участников цену добычи единицы природного ресурса, а не сумму разового платежа за право разработки месторождения [9].

Конечно, названные методы интересны и заслуживают внимания. Но, как отмечают сами их авторы, методы требуют дальнейшей доработки и не претендуют на статус единственно правильных решений. При этом, все они основаны на расчетах величины ренты, не учитывающих природы ее образования и распределения с позиций перехода права собственности. По сути, предлагаются «доизъятие» или более справедливое перераспределение дохода, не затрагивающие сути экономических отношений, соответствующих фундаментальным принципам гражданского права. А надо подходить к механизму недропользования с сугубо юридических позиций, борясь не с последствиями, а с причинами такого правового (точнее, неправомерного) феномена, каким стало современное российское природопользование.

Суть нашего варианта рентного недропользования в следующем. Данный вариант – ***договор подряда на добычу природного ресурса.***

Согласно п. 1 ст. 4 ФЗ № 94 от 21 июля 2005 г. государственными заказчиками, муниципальными заказчиками (далее также – заказчики) могут выступать соответственно государственные органы (в том числе органы государственной власти), органы управления государственными внебюджетными фондами, органы местного самоуправления, а также бюджетные учреждения, иные получатели средств федерального бюджета и уполномоченные органами государственной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления на размещение заказов бюджетные учреждения, иные получатели средств бюджетов субъектов Российской Федерации или местных бюджетов при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг за счет бюджетных средств и внебюджетных источников финансирования. То есть, государство, в лице своих исполнительных органов, являясь собственником природных ресурсов, на законном основании может разместить заказ на выполнение подрядных работ по добыче полезных ископаемых.

Участниками размещения заказов (продавцы, исполнители или подрядчики) являются лица, претендующие на заключение государственного или муниципального контракта. Участником размещения заказа может быть любое юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала или любое физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель (ч. 1 ст. 8 настоящего закона). Подрядчиком в нашем случае будет выступать ресурсодобывающая компания.

По нашему мнению, для правомерного и эффективного решения исследуемой проблемы необходимо размещение государственного заказа на добычу конкретных видов полезных ископаемых на конкурсной основе. Необходим при этом выбор самого эффективного участника рынка – подрядчика, готового на взаимовыгодных условиях

добывать полезное ископаемое для государства. Таким образом, величина издержек государства на добычу будет минимальной.

Заключается государственный или муниципальный контракт, то есть договор между заказчиком от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд и подрядчиком в виде добывающей компании. Отношения между сторонами регулируются уже действующим законодательством. Согласно п. 1 ст. 702 ГК РФ, по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его. Право собственности в данном случае на изготовленную или полученную в результате работы подрядчика вещь принадлежит заказчику, а не подрядчику. В договоре указывается начальный и конечный срок выполнения работы, предусматривается установление промежуточных сроков.

В договоре указывается цена подлежащей выполнению работы и/или способы ее определения. Цена может определяться путем составления сметы.

В договоре должны быть прописаны ответственность заказчика в случае неуплаты денежных средств за работу подрядчика по добыче полезных ископаемых, а также ответственность подрядчика по невыполнению работ или несвоевременное выполнение работ.

Государство несет определенные расходы на оплату работы подрядчика. Подрядчик получает свою среднюю по отрасли прибыль, которая не включает в себя рентные доходы, так как добытыми ископаемыми распоряжается государство, как и полученной в результате их реализации прибылью.

При реализации такой схемы взаимодействия государства и добывающих компаний снимается в принципе вопрос о расчете величины природной ренты и вопрос справедливости ее изъятия.

Во-первых, в соответствии с нормами гражданского права в нашем случае правомерно разрешаются существующие коллизии в осуществлении российского недропользования. Во-вторых, это позволит реально, справедливо и достаточно точно направлять получаемую природную ренту в распоряжение государства как собственника рентообразующего объекта. В-третьих, в этом случае природопользователи могут получать прибыль на уровне среднем по стране и выше.

Тем самым, реализуется право собственности государства на природные ресурсы и природная рента в полном объеме остается в руках собственника. А добывающим компаниям дается возможность заработать нормальную прибыль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев С. Нефтяное лобби работает сплоченно и агрессивно. – Режим доступа: http://economics.pravda.ru/economics/2003/7/21/62/11653_renta.html.
2. Данилов-Данильян В. Природная рента и управление использованием природных ресурсов. – Режим доступа: http://www.opec.ru/analyze_doc.asp?d_no=47000.
3. Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 25.10.2006) "О недрах" (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2007).
4. Львов Д.С. Экономика России, свободная от стереотипов монетаризма // Вопросы экономики. 2002. №2.
5. Россия в мировой экономике начала 1990-х годов. Межстранный сравнительный анализ. М.: ИМЭМО РАН, 1995.
6. Экономическая энциклопедия. М.: Экономика, 1999.
7. <http://www.oilcapital.ru>.
8. http://polit.ru/economy/2003/10/28/627954_print.html.
9. www.glazev.ru.
10. <http://m-s-k.newmail.ru>.
11. <http://www.ludidela.ru/0203/0203-33-02.html>.